

Воспоминания

До восьми лет я помню только учителя, который приходил к нам домой «за 50 копеек» в месяц заниматься у нас с несколькими детьми. Учил нас писать, читать и таблице умножения. В восемь лет меня хотели родители отдать в приходскую школу, но я не выдержала экзамена и меня не приняли. В это время приехала моя старшая сестра Гертруда, которая работала на селе и давала уроки (учила детей помещиков) и зарабатывала деньги для того, чтобы поехать в Харьков для учебы в зубо врачебной школе. Она обратилась к директору прогимназии Зии Давыдовой с просьбой принять меня в подготовительный класс прогимназии, а плату за учение она будет платить с заработка от уроков. И вот я поступила в подготовительный класс прогимназии. Трудно было учиться, так как покупать книги и тетради невозможно было, не было денег. Отец зарабатывал около 50 рублей в месяц, но у нас была очень большая семья (10 человек), а работал только отец и один брат Исай. Зиновий, брат мой, учился в городском училище и по окончании его уехал в Лодзь, где работал на фабрике. Ему было всего 14 лет. В прогимназии я занималась 5 лет и по окончании я поступила в гимназию имени Варваринной. Плата за обучение была 100 рублей в год. Было очень трудно платить такую сумму. Неоднократно меня отсылали домой ввиду неуплаты денег за обучение. Помогать родителям никто из детей не мог, так как все учились. Максим давал уроки и зарабатывал себе на плату за обучение, он учился в коммерческом училище. Другие братья Боря и Семен учились в приходских школах в начальных классах. В 1914 году я окончила гимназию, и передо мной стал вопрос, что делать дальше. Устроиться на работу невозможно было. Высшей школы в Витебске не было. Поехать в Харьков и другие города, где были высшие учебные заведения, нельзя было, так как надо было иметь право на жительство (разreshалось учиться там только детям купцов и помещиков) и без права жительства не принимали в институты. В 1914 году началась Первая империалистическая война, и в 1915 году в Витебск была переведена на зубо врачебная школа из Лодзи, и я поступила в зубо врачебную школу. Обучение в школе стоило около 150 рублей в год. Пришлось давать уроки. В 1917 году я окончила зубо врачебную школу и поехала в Харьков, для того чтобы сдать экзамены на звание зубного врача. Несколько слов о моей личной подростковой жизни. Когда я училась в 7 классе гимназии, мне было 15 лет, я познакомилась с моим мужем. Ему тогда было 17 лет, и он работал счетоводом. Познакомились мы в театре, где я была с мамой, а он был с сестрой Соней и своей знакомой. После нашего знакомства в театре он неоднократно приходил к нам домой, и я с ним подружилась. В 1915 году он был мобилизован в армию, и мы в течение 2,5 лет переписывались. В июне 1917 года он был демобилизован, а я в это время сдала государственные экзамены на звание зубного врача. Арон приехал в Харьков, и я вместе с ним поехала в Витебск. В августе 1917 года он уехал в Петрозаводск и поступил на работу на строительство железной дороги, а я поехала в Харьков, где работала у зубного врача и одновременно стажировалась в зубо врачебной школе. В конце 1917 года я уехала в Витебск и туда приехал Арон из Петрозаводска и в марте 1918 года была свадьба. Время было тяжелое. Была безработица, но вскоре моему мужу удалось устроиться счетоводом, а я долго не могла получить работу. Вскоре была объявлена мобилизация и мой муж был мобилизован в Красную Армию, я же была беременна. В январе 1919 года его направили на фронт. Я жила со своими родителями, и в марте 1919 года я родила дочь Любовь. Муж мой в это время, находясь на фронте в Минске, заболел тифом. Я поехать к нему не могла, у меня был маленький ребенок, а мама в это время заболела. Врачи определили рак, и она уехала к сестре в Харьков и там умерла. Я с маленькой дочкой временно переехала к родителям мужа, а мать мужа и сестра Соня поехали в Минск. Арон был тяжело болен сыпным тифом, но благодаря приезду матери выздоровел и приехал в Витебск. Начал работать бухгалтером, и мы переехали жить к папе (мама в это время умерла). В 1922 году мой муж заболел язвенной болезнью, в это время я опять была беременна. В это время Арон работал много (утром и вечером), так как временно я не работала. Материально стало лучше (ввиду работы мужа). Так мы жили хорошо. Характер у мужа был хороший, и нам было очень хорошо. В 1925 году мой муж был переведен на работы в Минск, и я с двумя детьми переехала к нему также в Минск. В 1927 году я уехала на работу в Плещеницы, так как работы в Минске тогда не было и работала там зубным врачом три года. Люба училась в школе и поэтому была с отцом в Минске. У меня жили сестры Арона. Мира училась в медучилище, а Геля в плановом институте. После работы в Плещелицах я уехала в Минск и начала работать в здравпункте зубным врачом. Одновременно в мединституте открылось вечернее отделение и после экзаменов была зачислена на первый курс лечебного факультета. И так я стала студенткой мединститута. Утром работала, а вечером училась, а после учебы домашние дела. Окончив институт, начала работать на здравпункте врачом и в детской поликлинике педиатром. В это время Люба окончила школу с отличием и поступила в Московский университет. Через два года окончила и Ляля и также захотела поступить в

какой-нибудь московский институт и поступила, но стипендию не дали и нам приходилось посылать 400 рублей в месяц (Любе 150 рублей и Ляле 250 рублей, так как Люба получала еще стипендию 150 рублей). В 1940 году, когда началась война с Финляндией, отменили стипендию и надо было платить плату за обучение. В это время у меня был еще ребенок двух лет, и нам было очень трудно материально и пришлось Лялю перевести в Минск в политехнический институт, а Люба осталась в Москве. Летом 1941 года 15 июня меня пригласили работать в детскую санаторию для ревматиков, уже не помню где, около Минска. Муж в это время находился в командировке в Могилеве и должен был приехать и перевезти нас в санаторию. Но он не мог уехать 15 июня, и я уехала одна, а Ляля и Гриша остались временно в Минске до приезда мужа. 22 июня 1941 года началась война. Нам сообщили родители, которые приехали в санаторию к детям. Однако никто в то время не думал, что так быстро враги будут передвигаться. Утром 23 июня я поехала в Минск и пошла в Горздрав и там даже не думали об эвакуации. Я хотела уехать в санаторию с детьми, но по дороге встретила машину родителей детей и они мне сказали, что вечером из Горздрава вышлют машину для эвакуации детей из санатории. 24 июня я с двадцатью детьми тяжелобольными выехали в Минск и всех детей должна была под бомбежкой доставить к родителям, а потом возвратиться к себе домой, но уже вечером обратно возвратиться невозможно было, и мы решили уйти в лес и переночевать там, а утром возвратиться обратно. Взяв с собой теплое одеяло и в тапочках и осеннем пальто, мы двинулись в лес. С нами пошли сестра Арона Соня с мужем и сыном. Так мы ушли за 12 км от Минска. Уже по дороге мы увидели, что по всей дороге идут и едут с вещами, кто на машине, кто на подводе, а мы пешком. Денег у нас не было, так как не успели ничего с собой взять. И так мы шли до Могилева 250 километров пешком с маленьким ребенком. У нас была надежда в Могилеве увидеть Арона, но, к сожалению, надежда наша не оправдалась. Он поехал за нами в Минск, но нас там не нашел и решил по дороге с нами встретиться, но мы шли по другой дороге, а он по главной, и мы не встретились. Он добровольно ушел в Красную Армию, а мы без денег, одежды и еды. С большими трудностями могли попасть в эшелон и с ним в течение двух недель под постоянным обстрелом, голодными, грязными, приехать в Троицк Челябинской области. Несколько раз по дороге приходилось просить хлеб для ребенка у проезжающих красноармейцев. Надо отметить, что в некоторых городах очень хорошо работали комиссии по обслуживанию беженцев. На некоторых станциях нас кормили обедом и давали хлеб по 200 граммов на человека, но не везде. В течение двух недель мы в теплушках ехали и питались только на некоторых станциях и приехали в середине июля в город Троицк Челябинской области. По дороге я и дочь неоднократно просились на фронт, но нам не разрешили ввиду того, что сыну моему Грише было два года восемь месяцев. Приехали в Троицк и там нас встретила комиссия по устройству беженцев. Для ночевки дали большую комнату, где поместили около 20 человек, спали на полу. Первым долгом было постричься, так как полно было вшей. Получить комнату для жилья было почти невозможно. Я с детьми устроилась на кухне в бараке мы жили до выезда из Троицка. С собой особых документов не было, а был только военный билет, который был со мной и из которого было видно, что я врач, и я начала работать в детской поликлинике участковым врачом. Участок был большой на расстоянии около пяти километров, так как дома одноэтажные, деревянные с участками для овощей. Затем я работала в поликлинике, а потом обслуживала участок, а вечером читала лекции в фельдшерской школе. Одежды почти не было. Обуви также. Нужны были валенки для меня, дочери и сына, а денег нет. К счастью, в это время я получила 150 рублей авансом и смогла купить старые валенки. И так не было у меня ничего, даже ложки и тарелки, пришлось начинать жизнь. От мужа я писем не имела, так как он добровольно пошел в Красную Армию, и по-видимому, попал в окружение, а потом, по-видимому, погиб. Я узнала в военкомате только в 1943 году в военкомате, будучи уже в Москве. Дочь Люба приехала в Троицк в 1941 году, работала педагогом в ауле, потом по вызову Левы уехала в марте 1942 года в Алма-Ату, где вышла замуж. Летом 1942 года он приехал, и я его попросила забрать Лялю в Алма-Ату в институт авиационный, и Ляля уехала туда. Я осталась с Гришей. Приходилось работать, а Ляле посылать денег для жизни. Я стала донором, получала повышенный паек и приходилось продавать его и посылать детям. Работать приходилось без устали. Была эпидемия брюшного тифа, сказывались бытовые условия жизни людей тяжелые. Антибиотиков и сульфамидных препаратов тогда не было, и поэтому оказывать помощь было очень трудно. Описать все невозможно. Надо отметить, что нашлись очень добрые хорошие люди, которые помогали мне временами хлебом, а иногда нательной одеждой. Часто было неприятно прийти на вызов в очень неприятном платье, которое было только одно и стиралось почти ежедневно. Спасал только халат. Жила на кухне, где температура воздуха была ниже нуля (замерзала вода в ведре). Одно тонкое одеяло, которым мы вдвоем в одной узкой кровати спали и утром вставали. Было настолько холодно, что зуб на зуб не попадал, пальцы замерзали. Быстро одевались и на работу, а Гришу в детсад. Вечером из детсада отводила к знакомым, а сама в фельдшерскую школу читать лекции. В 1942 году Лева окончил институт, и Люба с ним по распределению уехали в Москву. Жизнь их в Москве в военных условиях была очень трудной.

Жили они вначале в общежитии, потом в маленькой комнате (6 метров), где печь занимала одну треть комнаты. Дров не было – денег также. Босые и голодные потеряли карточки и жили вдвоем на одном пайке. У Любы было одно шерстяное платье, и то в бане его украли. Несмотря на тяжелую жизнь и мне прислали вызов, и я выехала в Москву. В течение месяца я жила у сестры, но потом переехала к детям (Любе и Лева). Ляля жила в общежитии. Жили мы в очень маленькой комнате (две кровати маленькие и большой стол). Другой мебели не было и нельзя было купить (денег не было). Спали вдвоем в кровати, а когда приезжала Ляля, то она спала на столе. Я устроилась работать на заводе. Гришу Люба устроила в детсад – и началась моя жизнь в Москве. Работала на здравпункте утром и вечером – так как завод работал в три смены. Ответственность была большая. Надо было проверять питание, чтобы не было пищевых отравлений, и все три смены получили бы горячее питание. Кроме того, приходилось организовывать оказание первой помощи и проводить профилактику профзаболеваний, а также профилактику инфекционных заболеваний (сыпного и брюшного тифа, дизентерии и других заболеваний). Различные профилактические прививки. Кроме того, мне приходилось совместно с инженером по технике безопасности проводить осмотр по технике безопасности. Кроме того, ежедневный прием больных, лекции и дежурства по скорой помощи через день сутки. Каждому известно, какие переживания во время работы у врача – среди больных различные люди и заболевания у них и их детей не всегда на участке легко диагностируются без лабораторных исследований, а ответственность большая. Во время эпидемии гриппа за сутки бывало около 80 вызовов. Многие из них тяжелые, часто ночью не всегда найдешь место жительства и номер квартиры. Часто вызовы бывали в местах, где подойти к больному невозможно. Врач обслуживает один без сестры, и вся необходимая помощь – инъекции и т.д. делал сам врач. После дежурства идешь на прием принимать 25 человек. А дома надо готовить, стирать, мыть посуду и ребенка из детсада взять и из школы. Жили далеко в Щукино. Приходилось вечером ходить через овраг. Правда, можно было ехать поездом до Покровское-Стрешнево, а там на трамвае до Щукино, но это было очень сложно. Не помню, в каком году, была проведена трамвайная линия до Тушино – тогда стало лучше. В 1945 году я после запроса в военкомат узнала, что муж погиб на фронте, и я получала на него пенсию 200 (20 рублей) в месяц. И так 26 лет я работала на заводе здравпунктовым врачом, а после — 15 лет в больнице. До 1954 года жила в бараке без всяких удобств. Водопровода и уборной не было. За водой приходилось ходить на улицу. Часто зимой вода в колодце замерзала и приходилось за водой ходить в военный городок. В 1954 году я получила маленькую комнату 11 метров в квартире, где было еще три семьи – еще 15 человек. Как мне ни было тяжело, я никогда не жаловалась. Я была счастлива, что у меня хорошие дети. Учились хорошо, и особых крупных неприятностей не было. И вот с 1941 года я была главой семьи, помощи не было и все вопросы жизненные мне приходилось решать самой. Потом дети подросли, каждый устраивал свою жизнь по своему желанию, и очень неплохо, но мама всегда думает о них и каждая их неприятность это и ее беда. Очень жаль, что они не всегда беспокоятся о маме. Это, по-видимому, всегда так. Мы матери заботимся о своих детях, а они о своих. В 1968 году Гриша женился, я получила кооперативную квартиру, первый взнос 2000 рублей. Квартира была хорошая, но жить в ней мне не пришлось. Надо было передать ее Грише, а я осталась в общей квартире до 1972 года, когда Лева обменял квартиру 2 комнаты и 1 комнату мою на трехкомнатную квартиру. И я живу вместе с ними. Надо отметить, что каждый из нас имеет свои положительные и отрицательные черты характера и жить вместе довольно трудно. Они стареют, и я старею. И характер с возрастом меняется. Временами кажется, что жить не надо. Не нужна ты детям и впереди ничего хорошего. Мне 82 года, возраст, когда уже настоящая старость, и, как говорится в пословице, «старость не радость». Однако многие мне завидуют, когда во время праздников собирается моя семья – дети, внуки, правнуки – и сама тогда думаю: я счастливая. И всегда люблюсь ими и всегда думаю, как хорошо, что мы все вместе. Вот 26 ноября 1978 года вся моя семья была на новоселье у Тани и было очень хорошо. Молодежь устроилась очень хорошо. Надо отметить, что родители Анатолия, мужа Тани, внесли взнос за квартиру и обставили ее квартиру. Желаю им счастливой жизни. В часы досуга, когда я вспоминаю о прожитой жизни, я всегда думаю, что прожила жизнь правильно – работала честно и дала детям все, что могла. Мое желание, чтобы мои дети и внуки и правнуки были настоящими гражданами СССР и честно работали на благо Родине. Желаю им здоровья и счастья и дружбы между собой. Собирайтесь часто, обсуждайте вместе все события Вашей жизни, друг другу помогайте и вам легче будет жить.